

Странствующий подмастерье

Верлибр

Олег Казаков

18+

Олег Анатольевич Казаков

Странствующий Подмастерье

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42253284

SelfPub; 2019

ISBN 978-5-5321-0356-6

Аннотация

Стихи, входящие в эту книгу, относятся к очень разным временам моей жизни. Почти все они опубликованы в журналах, газетах, сборниках. Немало переведено на иные языки, напр. грузинский, немецкий... Мне пришлось поразмыслить, указывать ли даты под стихотворениями. Однако решил, что время тут ни при чём, и оставил всё без дат. Желаю Вам, дорогой читатель, хорошей и доброй жизни. С безусловным уважением, Олег Казаков

Содержание

Предуведомление Читателю	4
Автобиография	5
Стихотворения	10
Прощание	10
Рассвет	12
Посвящается Елене Маковской.	13
Белое пламя	14
На берегу любви	15
Зонт	17
Корабль дураков возвращается в гавань	19
Советы белой вороне	23
Прикосновение ветра	24
Русалка	25
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Предуведомление Читателю

Стихи входящие в эту книгу относятся к очень разным временам моей жизни. Почти все они опубликованы в журналах газетах, сборниках. Немало переведено на иные языки, например, Грузинский, Немецкий... Мне пришлось поразмыслить, указывать ли даты под стихотворениями. Однако решил, что время тут ни при чём, и оставил всё без дат.

Желаю Вам, дорогой читатель хорошей и доброй жизни.

С безусловным уважением, Олег Казаков

Автобиография

Моё полное имя: Олег Анатольевич Казаков. Я родился в самой середине двадцатого столетия, в 1950 году. Это произошло в тридцатый день марта месяца, в благословенном и великом городе Тбилиси. Мама часто говорила, что мой характер, вполне соответствует характеру марта. Март, как известно, отличается переменчивостью погоды и по-настоящему не похож ни на весну, ни на зиму. Однако, это месяц Нисан. Известно из Священного Предания, что именно в этом месяце сотворён мир.

В 1957 году, я был отдан родителями во 2-ю среднюю школу г.Тбилиси. Школа была с некоторым трудом окончена мною в 1967 году с аттестатом «обыкновенного образца».

Стихи начал писать систематически в девятом классе. В поведении отличался дерзостью и ленью. Но школу любил, просто любил как нечто родное. Я и сейчас её с любовью помню. Уроков старался не готовить, был завзятым прогульщиком. Меня любили и щадили. Будучи типичным разгильдяем, я, тем не менее, довольно много времени проводил в Публичной библиотеке, где читал русских футуристов и символистов... А также Рембо, Малларме, Франсуа Вийона, Бодлера, Шелли... Почитывал, правда, без особого энтузиазма, труды историка Соловьёва.

Летом 1967-го поступал в Одесский Университет на

факультет филологии. Однако после первого же экзамена (сданного положительно) забрал документы и ушёл. Ходить на танцы было интереснее. Вернулся в Тбилиси. Прожил там год с переменным успехом. В мае 1968-го «загремел» в армию. Уволен в запас в июне 1970-го – сержантом. В августе того же года поступил на Филологический факультет Тбилисского Университета. Университет вспоминаю с теплотой и восхищением, хотя не отличался ни прилежанием, ни успехами в учебе, ни образцовым поведением.

В Университете сразу же вошёл в СНО – Студенческое научное общество. Стал получать известность как поэт. Не печатался. Однако никогда не работал «в стол». Выступления, встречи, вечера поэзии и пр. были далеко не редкостью. Распространялись мои вирши и в списках, и в магнитофонных записях. Брели автографы. Называли мэтром. Гонораром были прекрасные отношения, помощь и поддержка во всём. Думаю, что «работа в стол» – чья-то фальшивая выдумка, для прикрытия собственной своеобразной боязни.

Начал печататься – как журналист, автор статей – в газете «Вечерний Тбилиси», которой, и по сей день, безмерно благодарен. Работал грузчиком в магазине книжно-канцелярских товаров.

Попал под машину. Надолго лишился возможности нормально передвигаться. Стал заниматься переводом грузинской поэзии, в ней я нашёл настоящее утешение и настоящую любовь – и к бренному миру, и к Небесам. Жил. Уехал

в Ленинград (1981). Печатался в тамошних газетах, журнале «Ленинградская Панорама».

Вышла первая серьёзная литературная публикация в журнале «Нева» – переводы грузинских замечательных поэтов Григола Джулухидзе и Тамаза Чиладзе. Кажется, руководил секцией перевода в молодёжном отделении Союза Писателей (Ленинград). Немало выступлений, публикаций в периодике...

Григол Джулухидзе познакомил меня с высоким мастером прозы – Отиа Иоселиани. Отиа предложил попробовать переводить его произведения. С этого времени для меня началась новая жизнь – жизнь полностью в литературе. Благодаря Отиа начались и настоящие литературные заработки.

Тогда я познакомился и сдружился с Татьяной Ивановной Лещенко-Сухомлиной, на Ленинградских её вечерах бывали известный арабист профессор А. Шумовский, яркий музыкант, певец-романист Саша Чёрный, родственники поэта Николая Тихонова, и вообще масса интереснейших людей, среди них и пушкинисты Левины, Галина Глушанок. Татьяна Ивановна познакомила меня с переводчицей огромного пласта европейской литературы Надеждой Рыковой. Мы с Татьяной Ивановной потом ездили и в Переделкино, где я имел знакомство и прекрасную, утвердившую во многом, беседу с превосходным переводчиком грузинской прозы Ананиашвили.

Мои стихи перевели на грузинский, затем на немецкий (С

великим теплом и благодарностью и радостью помню немецкого филолога Сабину Мария Конрад). Сердечно помню поэтов Григола Джулухидзе, Мамуку Циклаури. Несравненный, подобный солнечному, свет тяжёлой и кляузной литературной работы согревал меня, делал мир домашним...

Выступал на киностудии «Ленфильм», в залах Ленинградского отделения Союза писателей СССР и проч. В Союз Писателей не подавал заявления и не вступил по личным соображения, хотя искренне сердечно ему благодарен.

Был приглашён Сабиной Конрад – в Западную (тогда) Германию, провели встречи в Западно-Берлинском (тогда) Свободном Университете. Издали билингв русско-немецкую книжицу «Корабль и Чёрная птица». Несмотря на свой малый объём, книжица приняла участие в одной из выставок Русской книги в Западном Берлине.

Потом начались времена после 1991 года. Я немного печатался, начал учиться на Богословских курсах, которые основал приснопамятный владыка Иоанн (Снычѳв). Потом мало-помалу стал преподавать начальное богословие (катихизис) и Церковно-славянский язык. Прожить на это было невозможно. Пришлось устроиться в охрану одной из крупных автобаз Питера.

Занимался живописью. Работы продавались в художественных салонах – это давало некоторый «приварок».

Настал день, когда меня пригласили на работу в недавно тогда народившееся Православное издательство «Сати-

сь». Это произошло в месяце Нисан 1994 года.

Проработал до 1996, потом – бурная полоса в жизни. Подготовил к изданию и издал самостоятельно несколько православных книг.

В 2000 г. вернулся в «Сатись». Был ведущим редактором. Работал над своими книгами и книгами других авторов. Немало вышло в свет. Тогда же написала свою первую (и пока единственную) книгу моя дочь Александра Казакова.

Являюсь автором более десятка книг, участником сборников и публикаций.

В 2012 мой старинный друг, самобытный ленинградско-петербургский живописец Алексей Новиков (к тому времени он уже стал сельским священником) пригласил меня пожить в деревню. В том краю и сейчас – у самой околицы, а то и на улице, можно увидеть какого-нибудь зверя или его следы. Стал жить в деревне. Помогал на службах чтением часов, Апостола и пр.

Сейчас подолгу поживаю в Торопце. Это небольшой, но очень древний и крепкий русский город со своим особым обликом и ритмом. Женат. Две дочери.

Готовлю 3 своих книги. А на всё и впрямь – воля Вышняя.

Всем желаю – истинной радости!

Стихотворения

Прощание

Словно прозрачная шумная птица
Взмыла над снежной равниной...
Взлетает
Прощание!
Где-то в последний раз гулко ударил прибой,
Грудью ласкаясь к земле.
Не надо ждать меня больше – ни рано, ни поздно;
Губы
Хранят еще вкус твоей кожи и вкус
Твоих слез,
Прощай!

Утром дверь свою распахни
Свету
Яркому и пронзительному,
Словно крик новорожденного.
Вот она – радость новой надежды!

Да и кто из нас одинок,
Кроме солнца,

Одинокого,
Потому что –
Яркое.

Учиться солнцу любить
Я ушел –
Горячее доброе и одинокое.
Прощай!

Рассвет

За дальними крышами стены тюрьмы

Рассветом озарены.

Слёзы неволи

И свобода рассвета

Сливаются где-то.

И брошенный вдаль над крышами взгляд

Летит над тюрьмой

И уже никогда не вернётся назад.

И ждёт моё сердце звука печали твоей,

Чтоб забиться сильнеей.

Посвящается Елене Маковской.

Переменчивый свет Петроградского неба

В глазах твоих.

Так, наверно, печалится солнце за тучей,

Так скрывают тоску деревья,

Так беззащитна земля

перед людьми.

Я выть готов от ярости беспомощной!

Но твердо знаю, что не в силах –

Ни переделать мир,

Ни сделать ласковее жизнь.

Мне остается лишь молиться о тебе

И думать:

Так, наверно, печалится солнце за тучей,

Так скрывают тоску деревья,

Так беззащитна земля

Перед людьми.

Белое пламя

Расплескался болью в солнечной ночи

Крик чайчий.

Белое пламя – ожиданье моё:

Стукнет вдруг, распахнется окно;

И в мои ладони канет

Чайка

На берегу любви

Живу на берегу своей любви.

Как будто

На берегу чужой реки.

Не знаю: когда разлива грозного пора,

А когда оборотится она

Струйкой

В шероховатых морщинах русла.

Сейчас она огромна, темна;

Лишь блеклый свет

Тревожно

Мелькнет на водах...

На том берегу – одинокое дерево.

Вижу его.

И ветер далекий становится зримым.

Мой дом неподалеку.

Не торопясь вхожу,

Дверь чуть скрипит.

Накидываю крюк;

Вот стол, вот чистый лист...

Окно мое выходит на болота

И невзрачный

Лесок...

А небо вдруг рванулось на меня!

Но – мягкой серою волной ударилось о стекла

И

Ввысь отпрянуло.

Крик чайки оборвался где-то,

Растаял

Зонт

Чёрный зонт на окне...

Может быть, он вчера

Защищал от дождя дочь хозяина дома,

Когда она целовалась. С кем – неважно...

И тогда он лучился, как солнце.

Или же – хозяйка ходила

Под его чёрным покровом

От знакомых к знакомым

В надежде денег занять. И зонт скрывал

Её поредевшие волосы, усталое лицо.

Чёрный зонт и круглая стена дождя

Охраняли её от случайных взглядов,

Которые лишний раз напоминают,

Что лицо у неё уже морщинистое, и глаза у неё –

Горестные.

Или же – сам хозяин с этим зонтом

Бесцельно бродил по окрестным улицам,

Отговорившись дома, что пошёл перед сном прогуляться.

И перемещался по тёмным,

Тускло отсвечивающим тротуарам

Печальный ходячий домик, сплетённый

Из тонких холодных прутьев дождя,

Крытый чёрным зонтом.

А сегодня – превосходный осенний день!

И он уже кончился.

Семейство сидит вокруг стола.

И все пьют чай.

Каждый смотрит в какую-то свою

Точку.

Зонт лежит на окне.

Не такой уж он чёрный,

Его слегка осветлила старость.

Поднимается над ним

Полная луна.

Корабль дураков возвращается в гавань

Очень маленькая поэма

Корабль дураков возвращается в гавань!

Ну! Просто лопаются от радости

Все портовые шлюхи!

Весь город от счастья качается! -

Дураки возвращаются!

Одна только странность -

Уже две недели корабль приближается,

И никак не приблизится:

Вроде вовсе не движется.

А паруса тугие выгнуты,

А пена морская брызжет!

Две недели форштевень взрезает волну.

И видят с берега: корабль не затонул!..

И не поймут: почему же не движется?!

Серый осёл орет на утесе,

Расставив копыта для большей устойчивости.

Доволен ветер и весело веет!

Гнутся на ветру шпили, мачты, башни.

Майское солнышко светит...

Навигация! Лоция! Компас! Секстант! Э-эх!

По улицам шатаются старушки в чепчиках – пьяные.
Ждущие женщины
Букеты увядшие желают сменить на свежие.
Красные стариканчики в камзолах бордовых
Торгуют цветами,
Эх, денежки...

Грузчики, подметалы и всякая шушера береговая
Бросили работу – лишь появился корабль -
Две недели назад,
Кричали и пели, отплясывая
И, на радостях, выдули все запасы вина.
И ждут – когда еще подвезут.
От цеха грузчиков послали нарочного на тёлке
За листопадом в соседний город,
Нарочный теперь – в розыске.

Бомбардиры
Шарахнули весь порох на приветственный салют,
Выпили...
И ждут.
А дураки на корабле в дудки дудят, в ступы стучат
И сильно поют.

А в мэрии решили тем временем ,
Сменить на ратуше квадратные часы на круглые.

Мэр изрек : «Круг – идеальная фигура»!

А королевский геометр возглашал у обвалившейся арки,

Что идеальная фигура – у мэровой дочки,

И вовсе не круг,

А сладостное сочетанье упругих дуг!

При этом геометр просил у прохожих немного...

На бедность.

– Дружище, – крикнул геометру продавец воловьих кож, –

Почему ты не ловишь воров?!

– Ловил бы сам, козёл – геометр показал язык и ушел.

Серый осёл прыгнул с утеса – в море бросился!

Орет и плывет к кораблю,

А за ним, юбки по волнам распластав, плывет толпа

Вышеупомянутых портовых дам.

А с корабля в рупор кричат,

Что на борт никого не возьмут,

И мол, ну вас всех!..

И усы ветра путаются в снастях,

И облак подмигнул...

Главный философ города с каланчи вопит,

Что корабль дураков приплыть то приплыл,

Но никак не приблизится,

По ряду неясных причин...

А генеральный ветеринар с другой каланчи кричал,
Что причиной всему хромя коза, у которой косят глаза.

И тащит пацан хромую козу,

А коза все оглядывается...

Упирается.

Всё путем!

Корабль дураков возвращается в гавань!

Советы белой вороне

(Из «Старинных бесед»)

В положении белой вороны (учти!)

Есть, безусловно, момент положительный:

Если не каркать, можно сойти за голубя

Редкой породы,

Важно – не каркать!

У голубей громкий голос не в моде,

И спрятать подальше мудрость воронью,

Не то докопаются,

Что не голубь...

Да в том-то и штука, – отвечает ворона, -

Что ведь каркну!..

Прикосновение ветра

Ветер с моря.

Белый дым занавесок.

Красавицы лик на медном листе.

Медный взгляд – один навсегда.

Я что-то очень растерян...

Русалка

(Из очень древней тетради)

Вечером волны вынесли на берег русалку

И бросили –

Словно руки, на которые очень надеялись,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.